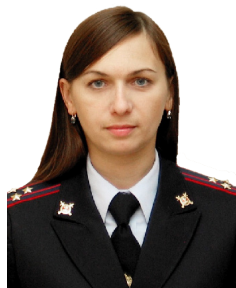

УДК 343.1

Олеся Владимировна КАРПОВА,

доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

mir-lesya83@mail.ru

СРОК ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PERIOD OF DETENTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье рассматриваются вопросы, связанные с исчислением срока задержания в порядке статей 91, 92 УПК РФ, анализируются нормы российского уголовно-процессуального закона, а также законодательство отдельных зарубежных стран. В ходе проведенного исследования автор приходит к обоснованному выводу о том, что задержание как мера принуждения в уголовном судопроизводстве предусматривает существенное ограничение прав и свобод лица, в связи с чем в целях совершенствования действующего нормативного регулирования необходимо на законодательном уровне более детально регламентировать момент фактического задержания, а также предусмотреть возможность продления срока задержания.

The article deals with issues related to the calculation of the period of detention in accordance with Articles 91, 92 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The norms of the Russian criminal procedure law, as well as the legislation of some foreign countries, are analyzed. In the course of the analysis, the author comes to a reasonable conclusion that detention as a measure of coercion in criminal proceedings provides for a significant restriction of the rights and freedoms of a person. That's why, in order to improve the current normative regulation at the legislative level, it is necessary to regulate the moment of actual detention in more detail, as well as provide for a possibility of extending the period of detention.

Ключевые слова: задержание, меры принуждения, момент фактического задержания, срок задержания.

Keywords: *detention, coercive measures, moment of actual detention, period of detention.*

Вопросы исчисления срока задержания на протяжении многих лет были и остаются предметом особого внимания ученых-процессуалистов [7, с. 70-72; 1, с. 8-11; 10, с. 69-74]. Обращаясь к положениям советского уголовно-процессуального законодательства, можно констатировать, что ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. «Задержание подозреваемого в совершении преступления» определяла конституционный срок указанного ограничения в течение 48 часов, какой

момент считать началом применения данной меры принуждения – законодатель не указывал.

Оценивая действующее нормативное регулирование мер уголовно-процессуального принуждения, можно констатировать, что данный институт более детально регламентирован нормами уголовно-процессуального закона. Законодатель посвятил мерам процессуального принуждения отдельный раздел IV, выделил задержание в отдельную

главу 12, определив в ней основания и порядок задержания подозреваемого, личный обыск подозреваемого, основания его освобождения, порядок содержания под стражей подозреваемых, а также вопросы уведомления о задержании подозреваемого. Большое внимание законодателем уделено и срокам задержания, но до конца не разрешены вопросы исчисления срока задержания, какой момент считать началом его исчисления.

В юридической литературе обозначены основные подходы относительно исчисления сроков задержания. Самый либеральный из них определен моментом фактического задержания. Другие два подхода, чаще применяемые в следственной практике, связаны с моментом доставления лица в органы внутренних дел и с моментом составления протокола [2, с. 56-57; 4, с. 37-38; 3, с. 139-140; 9, с. 10-12].

Указанные подходы существенно отличаются друг от друга относительно начала исчисления срока задержания.

Задержание существенно ограничивает конституционное право лица на свободу передвижения, в связи с чем порядок исчисления срока задержания должен учитывать права и законные интересы подозреваемого и обеспечивать ему необходимые процессуальные гарантии.

Итак, какие сроки установил законодатель, «детально» регламентируя институт процессуального задержания?

Статья 92 УПК РФ, устанавливающая порядок задержания подозреваемого, определяет, что после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен соответствующий протокол. В части 1.1 статьи 92 УПК РФ законодатель устанавливает обязательное участие защитника при составлении протокола задержания при условии его участия с момента фактического задержания. При этом в статье 92 УПК РФ указано на связь момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю и срока составления протокола.

Обратимся к статье 5 УПК РФ, определяющей основные понятия, используемые в кодексе. Так, согласно пункту 11 указанной нормы задержание подозреваемого – это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Моментом фактического задержания законодатель в пункте 15 статьи 5 УПК РФ определяет (цитируем дословно) «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления».

Возникает закономерный вопрос – что понимать под «порядком, установленным настоящим Кодексом»? Статью 92 УПК РФ, определяющую порядок задержания подозреваемого? Исходя из данной нормы, начало исчисления следует связывать с моментом доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Такая позиция представляется логичной, но, полагаем, что она не в полной мере обеспечивает права и законные интересы задержанного лица.

Представляется необходимым разграничить следующие понятия: «процессуальное задержание», «полицейской задержание», «фактическое задержание», «доставление» и «захват». Можно ли говорить об их тождественности в уголовном судопроизводстве? Для анализа указанных категорий обратимся к нормам уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных стран.

Так, в УПК Республики Казахстан законодатель разделяет доставление как меру процессуального принуждения, определяет ее цель и сроки¹. Более того, согласно части 2 статьи 129 УПК Республики Казахстан при подтверждении причастности лица к уголовному правонарушению доставление может «перерасти» в «процессуальное задержание», при этом срок доставления включается в общий срок задержания. Обратим внимание, что законодатель Республики Казахстан опе-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 N 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.05.2023).

рирует в законе терминами «процессуальное задержание» и «непроцессуальное задержание». Указанное разделение определено исходя из субъектов, осуществляющих задержание. Так, «непроцессуальное задержание» включает в себя задержание лица, ограничение его свободы передвижения для передачи либо доставления в орган уголовного преследования или иной орган государственной власти, которое вправе произвести потерпевший, а также любой иной гражданин. При этом на законодательном уровне не закреплено – входит ли срок «непроцессуального задержания» в общий срок задержания.

Согласно части 5 статьи 128 УПК Республики Казахстан срок задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного правонарушения, исчисляется с момента фактического задержания и не может превышать 72 часа. Но, определяя вопросы нормативной регламентации доставления и называя его мерой процессуального принуждения, законодатель ничего не говорит о фактическом задержании.

Другой подход прослеживается в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики.

Пункт 22 статьи 5 УПК Кыргызской Республики определяет фактическое задержание как момент фактического лишения или ограничения свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы дознания и следствия (захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте и так далее), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с указанием точного времени, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур¹.

Согласно части 1 статьи 96 УПК Кыргызской Республики задержание подозреваемого в совершении преступления – это

кратковременное фактическое лишение свободы передвижения лица. Усиливая данное положение, в части 1 статьи 97 законодатель определяет обязанность органов следствия объявить подозреваемому в момент фактического задержания, в чем он подозревается, а также другие права.

В постановлении о задержании в соответствии с требованиями части 2 статьи 97 УПК Кыргызской Республики указываются дата и место его составления, должность, фамилия, имя лица, составившего постановление, сведения о личности подозреваемого, его физическом состоянии на момент задержания, основания и мотивы, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут). Постановление о задержании согласно части 3 статьи 97 УПК Кыргызской Республики объявляется подозреваемому и подписывается следователем и задержанным с указанием точного времени фактического задержания подозреваемого.

Таким образом, законодатель Кыргызской Республики все сроки задержания связывает именно с моментом фактического задержания, включая в данную категорию захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте. Важнейшей характеристикой фактического задержания являются реальные ограничения, применяемые к задержанному, независимо от придания ему какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур.

Создается впечатление, что российское законодательство следует по аналогичному пути развития.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в постановлении от 27 июня 2000 г. N 11-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 47 и части 2 статьи 51 УПК РСФСР, вынесенном по результатам рассмотрения жалобы гражданина В.И. Маслова, «Конституция Российской Федерации не связывает предоставление помощи защитника с формальным признани-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 N 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.03.2023).

ем лица подозреваемым или обвиняемым ... Право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность».

Данная правовая позиция была высказана Конституционным Судом Российской Федерации во время действия УПК РСФСР 1960 г., возникает вопрос: реализована ли она в нормах действующего уголовно-процессуального закона?

О фактическом положении лица говорится в отдельных положениях закона. Так, в части 3 статьи 49 УПК РФ законодатель указывает не только на участие защитника в интересах подозреваемого и обвиняемого, но и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ. Аналогичное положение закреплено в части 1.1 статьи 144 УПК РФ, согласно которой «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы...».

Уравнивая положение стороны защиты и стороны обвинения, Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 29 июня 2010 г. N 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указал, что «правовой статус лица

как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им».

Таким образом, представляется логичным не связывать исчисление сроков задержания с приданием задержанному какого-либо процессуального статуса. Срок задержания должен исчисляться с момента фактического ограничения лица свободы передвижения с наличием реальных ограничений, как это определено в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики. В данной позиции видится надлежащий механизм предоставления задержанному лицу процессуальных гарантий, связанных с его фактическим положением.

В этой части представляется целесообразным обратиться к правовой природе задержания. В российском законодательстве можно говорить не только о процессуальном, но и о «полицейском» задержании [6, с. 53-55]. Так, согласно статье 14 Федерального закона «О полиции» полиция имеет право подвергнуть лицо задержанию на срок до 48 часов. Указанный срок исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. При этом законодатель не конкретизирует – что понимать под фактическим ограничением свободы.

Кодекс об административных правонарушениях РФ разделяет срок доставления и срок административного задержания [8, с. 84-88]. Согласно части 2 статьи 27.2 КоАП РФ доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок [5, с. 38-40].

Срок административного задержания в соответствии с частью 1 статьи 27.5 КоАП РФ не должен превышать три часа, а в случаях, предусмотренных частями 2 и 3 указанной статьи, лицо может быть подвергнуто названному ограничению на срок не более 48 часов. Срок административного задержания лица исчисляется с момента его доставления (ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ).

Период времени, затраченный на доставление лица, не входит в срок административного задержания в случае его применения. Данная позиция вызывает сомнения,

поскольку доставляемое лицо с момента его фактического задержания в целях доставки ограничено в свободе передвижения. В связи с этим представляется правильным исчислять срок административного задержания с момента фактического лишения свободы, а срок, затраченный на доставку, должен входить в срок административного задержания в случае его применения.

Если говорить о сроке задержания – в положениях российского уголовно-процессуального законодательства установлен конституционный срок: «до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов» (часть 1 статьи 10 УПК РФ, часть 2 статьи 22 Конституции РФ). Возможность продления срока задержания в отечественном уголовном судопроизводстве допускается только в одном случае. Такая ситуация может возникнуть при обращении органов расследования в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Одним из решений суда по поступившему ходатайству является постановление о продлении срока задержания. Вынесение данного решения допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении о продлении срока задержания указываются дата и время, до которых продлевается срок задержания. Отметим, что данную процедуру нельзя назвать классическим продлением срока задержания [12, с. 63-64; 11, с. 228-230].

В УПК Республики Узбекистан нормативно закреплена процедура продления срока задержания. Так, согласно части 1 статьи 226 УПК Республики Узбекистан срок задержания составляет не более сорока восьми часов с момента фактического задержания лица (момент фактического ограничения

его прав на свободное передвижение). Как и в уголовно-процессуальном законе Кыргызской Республики мы видим особое внимание законодателя Республики Узбекистан к фактическому ограничению свободы, когда эти ограничения стали реальными. Далее в названной норме УПК Республики Узбекистан законодатель определяет возможность продления срока задержания дополнительно на 48 часов по решению суда при представлении необходимых и достаточных обоснований со стороны дознавателя, следователя или прокурора¹.

Такая позиция представляется вполне обоснованной, в связи с чем считаем целесообразным в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве при наличии достаточных на то оснований рассмотреть возможность продления срока задержания на основании судебного решения дополнительно на 48 часов.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Статья 6 УПК РФ наряду с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, назначением отечественного уголовного судопроизводства провозглашает защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Полагаем, что действующее нормативное регулирование исчисления срока задержания в уголовном судопроизводстве не обеспечивает надлежащую реализацию прав лица, в отношении которого применяется задержание в порядке, предусмотренном статьями 91, 92 УПК РФ.

2. Представляется возможным внести изменения в нормы УПК РФ, изложив пункт 15 статьи 5 в следующей редакции: «Момент фактического задержания – момент фактического лишения или ограничения свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы внутренних дел (захват, закрытие в помещении, принуждение прой-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 N 2013-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.03.2023).

ти куда-либо или остаться на месте), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с указанием точного времени, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса».

3. Считаем целесообразным рассмотреть на законодательном уровне при наличии достаточных оснований возможность продления срока задержания на основании судебного решения дополнительно на 48 часов.

Библиографический список

1. Азаренок, Н.В. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? / Н.В. Азаренок, А.А. Давлетов // *Российский следователь*. – 2018. – N 5. – С. 8-11.
2. Булатов, Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б.Б. Булатов. – Омск, 2003.
3. Валюлин, Р.Р. Исчисление срока задержания подозреваемого / В.В. Валютин // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. – 2020. – N 2. – С. 139-140.
4. Гриценко, Т.В. Проблемные вопросы исчисления срока задержания подозреваемого / Т.В. Гриценко // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. – 2020. – N 2. – С. 37-38.
5. Давыдов, М.В. Доставка как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая полицией: проблемы исчисления сроков / М.В. Давыдов // *Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. – 2017. – N 4. – С. 38-40.
6. Десятова, О.А. К вопросу о полицейском задержании / О.А. Десятова // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2021. – N 4. – С. 53-55.
7. Морозова, Н.В. Генезис института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России / Н.В. Морозова // *Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. – 2012. – N 2. – С. 70-72.
8. Поликарпов, Д.И. К вопросу об исчислении сроков административного задержания / Д.И. Поликарпов, А.А. Шубакин // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. – 2020. – N 3. – С. 84-88.
9. Политыко, О.Е. Проблемы теоретико-практической интерпретации срока задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / О.Е. Политыко // *Современная наука*. – 2021. – N 2. – С. 10-12.
10. Семенов, Е.А. Фактическое и уголовно-процессуальное задержание: проблемы разграничения и неточности законодательной техники / Е.А. Семенов // *Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. – 2020. – N 3. – С. 69-74.
11. Сумин, А.А. К вопросу о продлении срока задержания подозреваемому / А.А. Сумин // *Вестник экономической безопасности*. – 2022. – N 3. – С. 228-230.
12. Торков, А.А. К вопросу о предельном (максимальном) сроке задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве / А.А. Торков // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. – 2019. – N 2. – С. 63-64.